

В. П. Раков

ОДНА ИЗ «ПРЕКРАСНЫХ» КАТЕГОРИЙ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО КОГНИТИВНОГО ПРАКСИСА*

Аннотация. В статье рассматривается феномен «смысловой темнотности» (меональности) в контексте истории культуры и философии. Автор обращается к античной традиции (Гераклит, Платон), чтобы обосновать продуктивность неясного, семантически смутного как равноправного логосу элемента познания и творчества. На материале анализа «Черного квадрата» К. Малевича, а также идей Вл. Соловьева, Имяславцев, о. Сергия Булгакова и мыслителей Серебряного века демонстрируется, что меон (инаковость, не-бытие) не сводится к негативности или хаосу, но выступает в качестве источника смыслопорождения, требующего от интерпретатора интеллектуального усилия. Особое внимание уделяется методологическим возможностям «освоения» меона через семиотические, математические и геометрические процедуры (точка, линия, число), позволяющие структурировать неисследимую стихию. Отстаивается необходимость логосно-меонального взаимодействия как основы творческого процесса и формулируются ключевые тезисы о природе меона, его соотношении с «уконом» и роли в современном гуманитарном знании.

Ключевые слова: меон, инаковость, Логос, смысловая темнотность, эйдос, укон, паттерн, герменевтика, неклассическая эстетика.

Ссылка для цитирования: Раков В. П. Одна из «прекрасных» категорий античной философии в свете современного когнитивного практиса // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 1. С. 5—13.

V. P. Rakov

ONE OF THE “BEAUTIFUL” CATEGORIES OF ANCIENT PHILOSOPHY IN THE LIGHT OF MODERN COGNITIVE PRACTIS

Abstract. This article examines the phenomenon of “semantic obscurity” (meonality) in the context of cultural history and philosophy. The author draws on the ancient tradition (Heraclitus, Plato) to substantiate the productivity of the unclear, semantically vague, as an element of cognition and creativity equal to logos. Drawing on an analysis of K. Malevich’s “Black Square”, as well as the ideas of Vl. Solovyov, the Imyaslavtsy, Father Sergiy Bulgakov, and

© Раков В. П., 2011

© Раков В. П., 2026, с изменениями

* Текст приводится по изданию: Раков В. П. Одна из «прекрасных» категорий античной философии в свете современного когнитивного практиса // Антикризисный потенциал русской интеллектуальной культуры / под ред. В. П. Океанского. Иваново; Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2011. С. 16—24.

Silver Age thinkers, it demonstrates that meon (otherness, non-being) is not reducible to negativity or chaos, but rather functions as a source of meaning-generation, requiring intellectual effort from the interpreter. Particular attention is paid to the methodological possibilities of “mastering” meon through semiotic, mathematical, and geometric procedures (point, line, number), which allow for the structuring of an unfathomable element. The necessity of logos-meon interaction as the basis of the creative process is defended, and key theses are formulated about the nature of meon, its relationship with the “ukon” and its role in modern humanitarian knowledge.

Keywords: meon, otherness, Logos, semantic obscurity, eidos, ukon, pattern, hermeneutics, non-classical aesthetics.

Citation Link: Rakov V. P. (2026) One of the “beautiful” categories of Ancient philosophy in the light of modern cognitive praxis, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 5—13.

История культуры показывает, что тексты с наплывами смысловых туманностей включаются их авторами в философские, художественные и научные произведения. Причины, вызывающие такие решения, столь же неясны, сколь и спорны мнения комментаторов по этому поводу. Так, в частности, когда пишут о Гераклите, высказывают разные версии возникновения в его речениях не совсем понятных мест. Одни, подобно Цицерону, придерживаются той точки зрения, что мыслитель допускал их намеренно [Гераклит, 1989: 180], другие же полагают, что исчезновение смысловой определенности текстов связано с общей чертой художественного творчества и философствования. Климент Александрийский указывает: «И мы найдём ещё тьмы и тьмы загадочных речений философов и поэтов, поскольку даже целые книги выражают смысл, вложенный в них сочинителем, в прикровенном виде, как, например, книга Гераклита “О природе”, за что он и получил прозвище “Тёмный”» [там же: 180].

Само собой разумеется, что подлинно творческой задачей может считаться не педантическая фиксация «темнот» стиля, а их восприятие в модусе смысла. В этой связи характерен рассказ Диогена Лаэртского, у которого читаем: «Говорят, Еврипид дал ему (Сократу. — В. Р.) сочинение Гераклита и спросил его мнение, он ответил: «Что я понял — прекрасно, чего не понял, наверное, тоже; только, право, для такой книги нужно быть делосским ныряльщиком» [Диоген, 1979: 110].

То, что оказалось непонятным, не отвергнуто Сократом, но поставлено в один ряд с понятным, требующим, однако, рассмотрения не с поверхности, а из глубины. То, что семантически неясно и смутно, вовсе не бессодержательно. Именно оно-то и вызывает к пониманию мудреца, побуждая его к интеллектуальному усилию. Гераклиту посвящено множество эпиграмм, в том числе и такая: «Не торопись раскрутить до стерженька свиток Гераклита / Эфесского: Дорожка эта для тебя зело непроходимая. / Мрак и тьма беспросветная, но если тебя введёт посвященный, / [книга станет] светлее ясного солнца» [Гераклит, 1989: 178].

Сказанного вполне достаточно, чтобы предпринять попытку терминологической идентификации фигурирующей здесь содержательной темнотности. У древних греков для этой цели существовал термин, который назван А. Ф. Лосевым, выдающимся знатоком античной культуры, «прекрасным» [Лосев, 2002].

Речь идет о *меоне*. Это слово означает собственно *не-бытие* или *инаковость* — по отношению ко всякой определенности. Что такое гераклитовская темнотность, как не *иное* ясного смысла, четкой структуры и пластически данной выразительности? Инаковость как понятие эволюционирует в истории и функционирует в разнообразных научных и художественных контекстах. В культурном процессе мы, однако, наблюдаем своеобразную боязнь меональной сферы: она ведь не имеет маркированных границ и, как кажется, стирает искомый и спасительный смысл сущего. Все это трансформируется в своеобразные дискриминационные зоны интеллектуальной деятельности, откуда изгнано *непонятное* — как нечто ценностно сниженное, как то, что должно быть преодолено на пути мыслительного движения, движения к истине и конкретным результатам. Однако при этом забывается одно гносеологически важное качество меона. В русской, как и западноевропейской, философии была принципиально отмечена сложная природа инаковости. Вл. Соловьев, имяславцы, Ф. Ницше, Ж. Делёз и М. Фуко сумели рассмотреть это понятие в креативной системе координат — с подчеркиванием той мысли, что меональные области — это не только и не столько сфера негативностей, сколько ситуация или бытие проблем и вопросов. Было также уяснено, что корневая система сущего располагает никогда неотменяемой способностью или алгоритмом *порождений*, а элементы меональности входят в составность феноменального и ноуменального миров.

Эта благорасположенность знания к меону — большой шаг в сторону демифологизации человеческого сознания, расширения границ и горизонтов его компетенции. Надо сказать, что с особой остротой данная проблематика была осознана в эпоху Серебряного века, о чем мы косвенно уже успели сообщить. Но сейчас мы конкретизируем эту мысль. Живопись, литература, музыка, философия и богословие вовлекают меон в сферу своего внимания.

Из труднообозримых материалов выделим самые необходимые для популярного изложения проблемы. Первое, о чем здесь правомерно сказать, — это «Черный квадрат» К. Малевича, до сих пор будоражащий публику и высококолобых интеллектуалов. Устранимся от дискуссий, сопутствующих полотну художника, и зададимся вопросом: с чем, собственно, мы имеем дело? Сказать, что здесь что-то изображено, невозможно, потому что изображение требует определенных образных средств, коих тут не наблюдается. Разумнее говорить не об изображении, а всего лишь об означивании, о символизации чего-то. Но чем является это последнее? Вот тут-то самое время сказать, что перед нами явлена безликая наличность меона или ничтожности, которая, как указано выше, не поддается эйдологическому воспроизведению. Это — тьма, не имеющая ни начала, ни конца. Правда, если уж быть педантичным, то придется констатировать то обстоятельство, что представленная чернотность все же введена в горизонт граничности, поскольку зритель вынужден обозревать символизируемое в оконтованных его пределах. Мы говорим о раме, в которую Малевич заключил свой холст. Но ведь рама — неизбежная и необходимая условность, и поэтому в наших рассуждениях ею можно пренебречь.

Продвигаясь по пути исследования проблемы, зададимся вопросом: какими могут быть способы познания расстилающейся перед нашим взором неисследимой стихии? Можно сформулировать задачу и по-другому: поддается ли меон обработке с целью приведения его в состояние некой интеллектуальной

или уразумываемой вменяемости? В истории культуры такие попытки уже были, и первым, кто их предпринял, был Платон. Мы в свое время писали об этом, но здесь подчеркнем лишь то, что мыслитель не нашел ничего лучшего, как перевести проблему в план ее семиотической специфики. Ничтожность, говорит он, шире какого-либо конкретного понятия, и потому о ней сказать нечего. Тем не менее нельзя утверждать, будто бы она бессодержательна, напротив, она — в высшей степени значима и, следовательно, является своеобразным высказыванием, правда, данным не словесно, но — апофатически. Если же так, то имеется ли какая-либо надежда на постижение этого высказывания? Да, такая надежда имеется. Укажем на один из возможных подходов к уяснению содержательного смысла ничтожности, для чего вернемся к вышеупомянутому «Черному квадрату». Наш курс в направлении к поставленной цели состоит в том, чтобы как-то означить или, точнее, маркировать процедуру полагания. Если в меональную просторность поместить *точку*, то мы добьемся следующего эффекта: бесформенность не обретет свойства структуры, но общая ситуация изменится. Теперь все, что составляет меональную область, расположится вокруг одного пункта — именно точки, которая выступит в функции и значении центра этой аморфной стихии. С этого рубежа у нас возникает перспектива познавательного овладения бесформенностью. В самом деле, если мы инициируем процесс умножения точки, то окажемся перед лицом точечного ряда, а затем точечных рядов, из которых возникнут линии, эти начальные, «морфные» элементы различных геометрических фигур. Так мы создали основание для дальнейших когнитивных операций. Теперь в наших силах хотя бы первичное овладение темнотным высказыванием или речением, сформированным художником. Один из векторов операционного пути включает в себя математический спектр проблемы: точки даны в режиме количественного их увеличения и отныне они выступают в виде, говоря словами Г. Кантора, определенных множеств или групп (по П. Флоренскому). Ресурсы теории числа и числовых множеств могли бы помочь нам в продвижении к количественно-символической семантике речений. Другая сторона дела связана с идеей фигурного освоения пространственной темнотности, ведь точка, это родовое лоно линии, дает начало таким образованиям, как круг и весь набор геометрических построений, начиная от треугольника и кончая усложненными его модификациями. В итоге мы получили семиотически, знаково запечатленное сообщение. С точки зрения информационной, оно вполне содержательно, несмотря на то что с позиций филологии здесь мы имеем дело не с собственно текстом, а с его мнимостью, поскольку информация тут представлена не вербально, но всего лишь геометрически. Однако в последней сокрыты числовые ее параметры, что гарантирует реальный результат в процессе *счисления* меональной неисследимости, хотя и взятой не в масштабе ее целостности (что практически невозможно), а в координатах определенного топоса. Так или иначе, мы можем фиксировать здесь присутствие Логоса, без чего не может обойтись мышление, — независимо от того, каким оно выступает в нашей эвристической ситуации: математическим, геометрическим или — предположим, вербальным. Логос призван не только выражать известное содержание, но и компоновать, структурировать его, что, как мы видели, выпало на долю точки и линии.

Кратко скажем о глубине и уровнях меона. Начнем с того, что на достигнутой стадии размышлений резонно поставить вопрос о меоне освоенном и о той его разновидности, которая остается за пределами какой-либо маркированности. С первым вариантом неисследимой стихии мы уже имели дело, мобилизовав при этом числа, точки и линии. По мере того как эти ресурсы познания охватывают все большую часть меональной просторности, возрастает семантическая ее информативность. Ну, а то трансфинитное, что расстилается за границами инструментально освоенного, — что это такое? Это, по Платону, «темная материя» как иррациональная основа мироздания, без которой непредставимо явление возникновения и развития всего последующего. В системе древнегреческого философа это понятие называется *уконом*.

Отношения между меоном и уконом — одна из сложных проблем знания, начиная от философии и кончая современными космологическими учениями. Подробно эта тема исследована нами в монографии «Меон и стиль» [Раков, 2010]. Ярким показателем актуальности дефиниций меона и укона может служить курс выдающегося русского мыслителя о. Сергия Булгакова, в частности, его «Философия хозяйства». В этом труде утверждается вселенский и богословский смысл хозяйства. Логическое и алогическое, говорит автор, соединяются таким образом, что могут быть мыслимы лишь в их нераздельности.

Жизнь как световое начало имеет свое происхождение в мглистой неисследимости и «освещает своим светом меоническую тьму, потенциальность материального бытия» [Булгаков, 1993: 113]. Но тут следует учитывать *иерархически* организованную модель всей булгаковской философии хозяйства. Мы обратим внимание лишь на отдельные ее сегменты, начав с указания на важность экономического спектра проблемы, где мыслитель выделяет фактор *потребления*, дающий основание самой необходимости *производства*, а то, в свою очередь, стимулирует динамический ритм созданной системы. Не забудем, что С. Н. Булгаков развивает идею мира как организма, расширяя ее до вселенских масштабов.

Мы знаем также, что эта аксиоматика служит фундаментом «Философии имени», где Логос утверждается в его космической сущности и выступает в качестве таковой в соотношении с космичностью меона. Устранимся от рассмотрения филологической стороны дела, анализу которой мы посвятили целый ряд наших работ [Раков, 2009]. В данном контексте важно подчеркнуть методологически плодотворную мысль автора трактата. Она заключается в том, что логосные и меональные аспекты культуры и знания вообще осмысливаются философам в тесном их единстве или в органической «одноприродности» [Булгаков, 1993: 125].

Изучение любого объекта сопряжено с присутствием в нем субстанции ничтожности, то есть неопределенности, и приведением этой субстанции в лоно «светлого сознания».

Современная гуманитарная наука хорошо понимает актуальность обсуждаемой нами проблематики. Для проработки и обстоятельного ее изучения предлагается вполне работоспособный термин *паттерн*, семантика которого сопрягается с идеей некоего порядка в любом месиве хаоса и неопределенности. Сошлемся на рассказ Ф. Искандера «Время по часам». Автор вспоминает об одном из эпизодов своего детства. Он говорит о воображении, которое помогало

мальчику воссоздать жизненные картины, например, на листе ржавого железа. Ржавчина, как ему виделось, «расползлась в самые причудливые рисунки, то напоминающие географическую карту, то сраженья каких-то мифологических существ, то еще что-то». Далее автор пишет следующее: «Здесь два главных момента следует отметить... Первое — видимо, в самой природе человека заложена склонность извлекать смысл из хаоса бессмыслицы. Отчасти в этом, вероятно, удовольствие рыбалки — из хаоса воды извлечь трепещущую рыбку, то есть отчасти как бы создать ее. Второе — искусство недосказанности <...> одно из самых неподвластных разуму, интуитивных» [Искандер, 1973: 93—94]. Категория паттерна ныне используется исследователями не только в ее «метафизическом», но и инструментальном значении. Так, например, в трудах, посвященных проблемам интеллигентоведения, она фигурирует как содержательно многофункциональная величина. Такие вопросы, как: что такое интеллигенция? какова ее призванность? сколь велика ее ответственность и даже вина в русской истории? и многие другие тесно связаны с тематически актуальными трактовками паттерна. Характерно, что, по мнению специалиста-политолога, в роли субъекта, несущего в себе идею паттерна, выступает не что иное, как сама интеллигенция. Подобный подход предreshает как методологические принципы изучения темы, так и ее инструментально-методическое обеспечение [Воронов, 2008: 113].

Надо ли напоминать о том, что в системе гуманитарных наук высшей формой дискурсов являются те, что связаны с человековедческой проблематикой. В современном контексте легко обнаруживается тенденция исследователей к соединению в своих работах тематики прикладной — с содержательностью фундаментального характера. Это можно расценивать как показатель того, что результаты, выработанные классической и современной наукой, естественно и органично находят опору друг в друге. Так, например, биографии деятелей культуры, государства и политики рассматриваются сквозь призму архетипных образов и навыков человеческого мышления и поведения, а также на фоне нынешних достижений в области философии, лингвистики, литературоведения, эстетики и других отраслей знания, вплоть до идей в квантовой физике. Заметим, что в научно продвинутых статьях и книгах, наконец-то, признана роль иррациональных факторов в составе самой истории человечества. Исследователи начинают понимать, что в поведении людей и героев как «первых и лучших» (М. М. Бахтин) часто проявляют себя признаки доразумности и собственно докультурных реакций на те или иные события, что вскрывает их, людей, причастность стихии меона, с которой они не могут справиться. Но рано или поздно они вынуждены искать путь к спасению и хорошо, если найдут его. К.-Г. Юнг советовал в подобных обстоятельствах анализировать деструктивную энергию меона — в тесной связности с ее противоположностью, именно, с активностью эйдоса. Во внутреннем мире человека борьба этих стихий содействует взаимному самораскрытию двух качественно различных духовных форм в их иерархическом устройении. Одна из них — эйдос культуры, другая — экспансия в варварство [Раков, 2011: 383—385]. Творческая личность стремится умерить бушевание меона. Нередко бывает и так, что она терпит поражение. Наблюдение, не требующее доказательств.

Под воздействием этой аксиомы специалист в сфере управления плодотворно работает над темой: «Руководитель как трагический герой» [Смирнов, 2005: 138], которому по необходимости приходится преодолевать всякого рода *инаковости* его проективных идей и заданий — во внешней реальности, в психологии людей и, первую очередь, в самом себе. Однако очевидно, что с помощью одной лишь эйдетики тут не обойтись. Требуется мобилизация смысловых потенций и комбинаторных ресурсов, чтобы упорядочить содержание и форму культивируемого личностью дискурса. Мы говорим о Логосе и его созидательно-энергичных усилиях, превосходящих возможности эйдоса. Интенционально все это находит воплощение в коммуникативной практике и многообразных стратегиях *диалога*, в котором мы видим процесс своеобразного агона и творческий парадокс: ведь чем сильнее натиск меональности, семантической мглистости и структурной непроясненности, тем необходима как можно бо́льшая логосная напряженность в деле формирования проблемной ясности и словесной выразительности в подаче того содержания, которым обмениваются участники информационно-личностного общения.

(Как известно, история иронична. После недавних десятилетий восторженного отношения к теории диалога, сформулированной М. М. Бахтиным, ныне наблюдается, как полагают некоторые, «конец его эпохи». Этот диагноз нами не разделяется, но к критике методологических основ учения мыслителя следует относиться с должным вниманием. В. А. Кутырев, например, пишет: «Самой фундаментальной и авторитетной попыткой устранить Дух из сферы гуманистики несомненно является традиция диалогизма, идущая от М. М. Бахтина. От установок, в которых «науки о духе» рассматриваются как «науки о слове», когда многообразии человеческих связей, чувств и восприятий мира отождествляется с их текстовой формой. Общение, да и все герменевтические подходы, представленные через текст, превращаясь в анализ коммуникационных смыслов, теряет полноту своего жизненного содержания. Отстраняясь от выражения и терапии душевных состояний, герменевтика внутренне перерождается. Духовное опять сводится к мыслительному, понимание к объяснению, в пределе — к программированию. Понимаю — значит программирую, программирую — значит понимаю, говорят компьютерные “герменевты”» [Кутырев, 2010: 97].

В системе нашего научного языка это означает упрек в том, что в концепции Бахтина упор сделан на логосном, собственно языковом аспекте общения, тогда как меональная сфера коммуникации, именно тот ее момент, который вербально не эксплицируется, остается за пределами рассмотрения. Отсюда известный логизм (В. Ф. Эрн) теоретической системы, редуцирующей *немоделируемый* срез жизни, ее, если угодно, несемантичность.

Все, сказанное автором книги и нами, видимо, справедливо. Но поскольку мы имеем дело с выдающимся мыслителем, то рискуем прослыть критиками, чей стиль может показаться, по меньшей мере, грубоватым. Дело в том, что тема меона — одна из существенных в составе проблематики трудов мыслителя (особенно в его монографии о творчестве Ф. Рабле), а категории *невыразимого* и *несказанного* получили у Бахтина проникновенно-углубленное развитие. Тем не менее в теории диалога предпочтение отдано логосному его вектору, а не исследованию отношений между вербальными и невербальными («экстралингвистическими») компонентами в структуре диалогизированных высказываний.)

Меон, таким образом, включен в каузальный и в известном смысле регулятивный слой человеческого поведения, коррекция интеллектуальной адекватности которого принадлежит Логосу.

Итак, мы видим, что меон выступает в качестве элемента, равноправного с Логосом, и открывает перспективы углубленного постижения как реальности, так и продуктов духовной деятельности. Сам же процесс познания при таких условиях представляется в виде творческого логосно-меонального взаимодействия. Стихия неисследимого неисчерпаема, это — глобально-бесконечное космическое высказывание. Нам доступна лишь та его часть, которая маркирована инструментальными средствами современной науки. А то, что остается за этими пределами, принадлежит области укона. Человеческий разум стремится поднять последний до уровня меона. Но «темная материя» не исчезает. Хотя бы первичное ее освоение требует нашего энтузиастического порыва. Сказано же Гераклитом: «Не чая нечаянного, не выследишь неисследимого и недоступного» [Гераклит, 1989: 193].

Библиографический список / References

- Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов / под ред. И. Д. Рожанского. Часть 1. М.: Наука, 1989. С. 176—257.
(Heraclitus, in Rozhansky I. D. (ed.) *Fragments of Early Greek Philosophers*, part 1, Moscow, 1989, pp. 176—257. — In Russ.)
- Диоген Лаэртский. О жизни учёных и изречениях знаменитых философов / общ. ред. и вступит. статья А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. 620 с.
(Diogenes Laërtius. *On the Lives of Scholars and Sayings of Famous Philosophers*, Moscow, 1979. 620 p. — In Russ.)
- Лосев А. Ф. Имяславие и платонизм // Вопросы философии. 2002. № 9. С. 102—129.
(Losev A. F. Name-worship and Platonism, *Questions of Philosophy*, 2002, no. 9, pp. 102—129. — In Russ.)
- Раков В. П. Меон и стиль. Иваново; Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2010. 448 с.
(Rakov V. P. *Meon and Style*, Ivanovo; Shuya, 2010, 448 p. — In Russ.)
- Булгаков С. Н. Философия хозяйства // Булгаков С. Н. Соч.: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 49—297.
(Bulgakov S. N. *Philosophy of Economy*, in Bulgakov S. N. *Works*: in 2 vols. Moscow, 1993, vol. 1, pp. 49—297. — In Russ.)
- Раков В. П. Не кризис, а единение Логоса и Меона // Антикризисный потенциал традиции и проблема имяславия / под ред. В. П. Океанского. Иваново; Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2009. С. 343—359.
(Rakov V. P. Not a crisis, but the unity of Logos and Meon, in Okeansky V. P. (ed.) *Anti-crisis potential of tradition and the problem of name-worship*, Ivanovo; Shuya, 2009, pp. 343—359. — In Russ.)
- Искандер Ф. Время счастливых находок. Рассказы и повесть. М.: Молодая гвардия, 1973. 432 с.
(Iskander F. *Time of Happy Finds. Stories and Novel*, Moscow, 1973, 432 p. — In Russ.)
- Воронов Ю. М. Интеллигенция и социальный порядок в современной России // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции / под ред. В. С. Меметова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. С. 371—383.

(Voronov Yu. M. *Intelligentsia and social order in modern Russia*, in Memetov V. S. (ed.) *Problems of the Theory and Methodology of Studying the Intelligentsia*, Ivanovo, 2008, pp. 371—383. — In Russ.)

Раков В. П. Интеллигентоведение и филология: теоретические и методические взаимосвязи // Раков В. П. *Поэтика и культура*. Иваново; Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2011. С. 383—385.

(Rakov V. P. *Intelligentsia studies and philology: theoretical and methodological relationships*, in Rakov V. P. *Poetics and Culture*. Ivanovo; Shuya, 2011, pp. 383—385. — In Russ.)

Смирнов Е. А. *Личность руководителя: учебное пособие*. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 2005.

(Smirnov E. A. *Personality of the Manager: A Study Guide*. St. Petersburg, 2005. — In Russ.)

Кутырев В. А. *Бытие или ничто*. СПб.: Алетейя, 2010. 496 с.

(Kutyrev V. A. *Being or Nothing*, St. Petersburg, 2010, 496 p. — In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Раков Валерий Петрович (1936—2021) — доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и истории русской литературы XX века, Ивановский государственный университет (1978—2009), г. Иваново, Россия.

Rakov Valery Petrovich (1936—2021) — Doctor of Sciences (Philology), professor, professor of the department of literary theory and history of Russian literature of the 20th century, Ivanovo State University (1978—2009), Ivanovo, Russian Federation.